

Огни фейерверков, празднование Праздника фонарей, толпа на улицах — люди толкаются, плечом к плечу, и на лицах каждого сияет добрая улыбка. Лишь одно место кажется неестественно пустынным и холодным.

Повсюду смех, слышны молитвы. На поверхности реки медленно скользят изящные лодочки, бесшумно плывут крошечные фонарики.

Фигура в черном шелковом халате с узором кэсы одиноко стоит на берегу. Холодный ветер треплет черные пряди волос, мягко ниспадающие на хрупкие плечи, словно шелковые ленты, подчеркивающие загадочную, темную ауру на лице, холодном, как нефрит.

Белоснежная кожа, глубокий взгляд, еще юная, худощавая стать. Его облик исполнен величия, гордости и отчужденности, от него веет холодом, не подпускающим никого на пушечный выстрел. Даже при такой поразительной красоте к нему трудно приблизиться, а уж золотое украшение в виде дракона в волосах и вовсе заставляет любого, кто разбирается в людях, не рисковать лишней раз.

— Что ж, оглянулся назад, и оказалось, что он здесь, в мерцании огней?

В сумраке ночи пара глубоких глаз не сводит с черной фигуры, стоящей на ветру. Даже если он еще юноша, его внешность и аура среди тысяч людей заставляют взгляд непроизвольно остановиться именно на нем.

— Наконец-то нашел...

Нежный, ласковый голос, подобный мелодичному напеву, с нотками скрытой улыбки вплетается в праздничный шум.

— Старший брат, ты тоже здесь один? — Самое банальное приветствие, какое только можно представить в наше время, в древности тоже не всегда срабатывало.

Цзимо Ци нахмурился. Увидев на своем рукаве черное пятно — отпечаток пяти крошечных, испачканных в земле пальчиков, — он ощутил прилив брезгливости. Не столько к грязи, сколько к тому, кто посмел потревожить его покой.

Его мрачный, темный взгляд уставился на засаленную макушку ребенка и нелепую серую одежду, надетую как попало. Холод в глазах усилился, словно он намеревался заморозить непрошеного гостя на месте.

Смотри на меня сколько хочешь, сверли взглядом, проваливай, уходи! Хотя он не произнес ни слова, Цзюнь Тяньяо остро почувствовал это неприятие. То ли он сам стал слишком чувствительным, то ли этот человек даже не считал нужным скрывать свое отношение?

В глазах Цзюнь Тяньяо блеснул озорной огонек. Он еще крепче уцепился за рукав юноши:

— Старший брат, тебя тоже кто-то обидел, и поэтому ты пришел сюда один, чтобы освежиться на ветру?

Детский голосок, полный искреннего беспокойства, в сочетании с круглыми, лукавыми глазками, смотревшими прямо в ледяной взгляд собеседника, мог смягчить даже самое каменное сердце.

Это был особый навык, отточенный Цзюнь Тяньяо с раннего детства: знание того, под каким углом, с какого расстояния, каким жестом и какой мимикой воздействовать на человека, чтобы добиться своего.

Почувствовав, что после этих слов атмосфера вокруг юноши стала еще холоднее, Цзюнь Тяньяо чуть приподнял уголки губ, растягивая их в крошечную улыбку. Он не боялся холода — он боялся отсутствия реакции. Соревноваться с ним? Ты еще слишком зелен.

— Старший брат? Не грусти. Если тебя кто-то обидел, Цзюньцзюнь поможет тебе. Мы вдвоем обязательно побьем негодяев так, что они по земле кататься будут!

Цзюнь Тяньяо решил закрепить успех. Второй шаг — превратить я в мы. Он сжал маленький кулачок, в его глазах пылала решимость бороться с общим врагом. Выражение лица Цзимо Ци невольно стало чуть мягче.

Наконец он открыл рот:

— Отпусти!

Юноша наконец заговорил, и, как и ожидалось, раздался хриплый, ломающийся голос. Цзюнь Тяньяо вздрогнул — барабанные перепонки взмолились о пощаде. Уж больно давно он не подвергал свой слух таким испытаниям, с тех пор как сам пережил этот возраст.

— Уходи!

Смягчившееся было лицо Цзимо Ци вмиг снова стало ледяным. Тонкие брови Цзюнь Тяньяо дрогнули: он видел это отвращение слишком часто. Мимолетная близость сменилась яростью, и Цзимо Ци резко махнул рукой, отталкивая Цзюнь Тяньяо. Мальчик полетел назад, прямо в сторону глубоких, темных вод реки, но какое дело было до этого Цзимо Ци?

В груди Цзюнь Тяньяо перехватило дыхание. И без того больное тело не удержало равновесия, и он беспомощно попятился назад.

Проклятье, ну что за барышня, такая чувствительность! В тот миг, когда лицо Цзимо Ци изменилось, Цзюнь Тяньяо понял, в чем ошибся.

Впрочем, от него так просто не избавиться. В тот момент, когда пришлось выпустить рукав юноши, он с молниеносной скоростью вцепился в его запястье, а уголки губ расплылись в широкой улыбке.

Правда, тонкость этого запястья поразила его. Этот юноша выглядел так, будто вышел из самой богатой и знатной семьи, но почему он кажется таким истощенным? Его запястье было немногим толще, чем у самого Цзюнь Тяньяо, которому сейчас было всего восемь-девять лет, в то время как Цзимо Ци, судя по росту и осанке, было уже двенадцать-тринадцать.

Цзимо Ци был застигнут врасплох. Раздался его испуганный крик:

— Отпусти!

Ответом послужили два тяжелых всплеска — «бульк!», «бульк!» — которые распугали всех влюбленных поблизости.

<http://bllate.org/book/21941/2279436>